

УДК 811.161:39 + 81'373

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/10

НОМО LOQUENS В ЗЕРКАЛЕ ИМЕН НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И РУСИНСКОГО ЯЗЫКОВ)*

Г.Н. Старикова

Томский государственный университет

Россия, 634055, Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторское резюме

Предметом рассмотрения статьи стала лексика, называющая человека, говорящего на диалектном типе русского и русинского (в его закарпатском варианте) языков. Материал – более 2 тыс. существительных и прилагательных – доказал значимость указанного параметра в оценке человека с позиций обеих культур. Сопоставление выявило: 1) общие нормы народного речевого этикета социального (говорить по делу, не лгать, не сплетничать и т. п.) и орфоэпического рода (говорить внятно, в среднем темпе и др.); 2) асимметрию лексических подсистем – явное преобладание пейоративных единиц, маркирование в большей степени содержания, а не манеры речи, меньшую долю слов женского рода по сравнению со словами мужского рода (за исключением группы «Сплетники»); 3) звукоподражательную природу значительного количества производных (*баляба, мыргоня / гойкаш, мыпрак*) и др. Особенности представления *homo loquens* в двух славянских культурах состоят в мотивах наименования, моделях именного словопроизводства. Так, в русском языке в деривации довольно активно используется соматическая лексика: *ротан, кривоязычник, губотреп, брылотряс; горлаш, жереластый; ушница*, но более всего – с корнем *хвост-* (*двуххвостка, охвост, хвостобой*) и *зуб-* (*долгозубый, зубан, зуботыка*). В русинском в значительно большей степени наблюдается параллелизм форм в образовании наименований по гендерному признаку: *дудрош – дудрошка, лармач – лармачка, німак – німаня*.

Ключевые слова: человек говорящий, речевое поведение, народная культура, диалектная лексикология, русинистика.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043: «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

HOMO LOQUENS IMAGE IN DIALECTAL CULTURE (IN THE RUSSIAN AND RUSIN LANGUAGES)**

G.N. Starikova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Abstract

The paper focuses on the vocabulary naming a person who speaks Russian and Rusin (Transcarpathian) dialects. The material of more than two thousand nouns and adjectives has proved the importance of the specified parameter for the person assessment in both cultures. The comparison has revealed 1) the general rules of the national speech social (to speak on the case, not to lie, not to gossip, etc.) and orthoepic etiquette (to speak clearly, at a moderate pace, etc.); 2) the asymmetry of lexical subsystems – a clear predominance of pejorative units, with the content, not manner of speech, marked to a greater extent, a smaller proportion of feminine lexemes (except the “gossip” family); 3) the onomatopoeic nature of a significant number of derivatives (*balyaba, myrgonya / goykash, mymrak*), etc. The peculiarities of homo loquens representation in two Slavic cultures consist in the explanation of names, the nominal word derivation models. So, the Russian language actively uses somatic derivatives: *rotan, krivoyazychnik, gubotryop, brylotryas, gorlash, zherelastich; ushnitsa*, with most of them with the roots *khvost-* (*dvukhvostka, okhvost, khvostoboy*) and *zub-* (*dolgozub, zuban, subotyca*). The Rusin language shows a greater parallelism in the formation of the names by gender: *dudrosh – dudroshka, larmach – larmachka, nīmak – nīmanya*.

Keywords: speaking person, speech behaviour, Slavic culture, dialectal lexicology, Rusin studies.

Постановка проблемы. Владение языком является одним из значимых проявлений homo sapiens, на что указывает кодекс речевого поведения человека, отраженный в пословицах и поговорках того или иного этноса, регулирующий коммуникативную практику как со стороны содержательно-количественной (что говорить, сколько), так и формальной (манера говорения). Так, у русских встречаются: *красную речь красно и слушать; не все вслух да и в голос; рассказчики не годятся в приказчики; слово слову костыль подает* и др. Им соот-

**The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF) (Nr. 16-18-02043: “Culture of the Russian People in the Dialectal Language and Text: Constants and Transformation”).

ветствуют и русинские поговорки: *лем на язык го є* (болтуна видать по слову, рыбака – по улову); *у многуй бесіді малый хосен* (больше говорить – больше согрешить); *мастні слова – сухі долоні* (большой говорун – плохой работун) и др.

Соответственно, характеристика речевого поведения человека относится к числу востребованных лингвистикой направлений исследования, о чем свидетельствует значительное количество работ отечественных языковедов, посвященных этой тематике, выполненных на основе русского (Степанова 1970; Ничман 1980; Крылова 1996; Арутюнова 2000; Антонова 2003) и других славянских (Бондарь 1969; Тишечкина 1990; Гирняк 1999), а также типологически различных языков (Резанова, Дай Инли 2011). В частности, на материале русского языка наиболее проработанной является зона глаголов речи – как современного литературного языка, так и более ранних этапов его развития (Бахтина 1965; Таргонская 1993), всего около 300 слов (*возмущаться, отрицать, предрекать, советовать, шептать* и т. п.). В 7-м выпуске «Логического анализа языка», включающем материалы конференции «Язык речевых действий» (Институт языкознания РАН, 1993) (ЯРД 1994), также интерпретируется прежде всего глагольная лексика. Ей же посвящены немногочисленные работы, выполненные на диалектном материале (Коршунова 2002; Бессонова 2010; Резанова и др. 2014). Именная лексика становилась отдельным предметом изучения лишь в культуроведческой работе Ю.В. Егоровой: 49 прилагательных (*красноречивый, лживый*) и 91 существительное (*визгун, демагог, льстец, лгун, оратор, остряк, пискля, пустослов, свистун*), которые послужили основой для выявления параметров характеристики человека говорящего и допустимости их совмещения при номинации последнего (Егорова 2003).

Общие выводы проведенных исследований могут быть сформулированы следующим образом:

1. Именные средства, характеризующие человека говорящего, немногочисленны в литературном языке; в частности, глаголы речи слабо востребованы в деривации агентивной лексики.

2. При именовании *homo loquens* маркируется прежде всего содержание речи, но не манера речи.

3. Структура семантического поля говорения характеризуется явной асимметрией, которая выражается: а) в однополярности параметров речи (оценивается бессодержательность, лживость речи, но не высокое качество ее содержания, правдивость); б) в малой доле наименований для лиц женского пола.

Все сказанное обосновывают актуальность и цель настоящего исследования – верифицировать прозвучавшие в работах выводы

диалектным материалом, сопоставить данную характеристику человека в рамках двух родственных культур – русской и русинской.

Общая характеристика материала. Данная работа построена на материале народного типа русского и русинского языков. Источником первого стал словарь М. Алексеенко, О. Литвинниковой «Человек в производных именах русской народной речи» (ЧПИ 2007), второго – словари И. Керчи (РРС 2007; РРС 2012) и ряда говоров, квалифицируемых как говоры русинского языка (ГГ 1997; БС 1966; СП 1882) Закарпатья. Для чистоты сопоставления из анализа была исключена лексика материалов И. Керчи явно книжной формы бытования (*дебатант, декламатор, консултант, наратор, реторик*). К исследованию привлечена именная лексика – существительные и прилагательные, в толковании которых использованы слова с семантикой говорения или отсылка к ним: АЙКАЛО, м. и ж. Тот, кто часто айкает (произносит *ай*); АЛАЛЫКА, м. и ж. Тот, кто непонятно, несвязно говорит, бормочет; // тот, кто вместо одного звука произносит другой (ЧПИ 2007: 13); ЛЬОПОТУН, а. Балакучий чоловік, базіка (разговорчивый, болтун); ЛЬОПОТУНЬЯ, и. Балакуча жінка, базіка (разговорчивая, болтуня) (ГГ 1997: 116); ЛАЧ, т. Сквернослов; ругатель (РРС 2007 1: 467); БАЗАР', БАЗІСТ, БАЗИЛО. Крикун (БС 1966: 94) и др.

Всего к анализу привлечено более 2 600 лексических единиц, из них почти 1 800 слов – существительных и прилагательных – русского языка. Русинская картотека состоит примерно из 850 слов, в числе которых около 650 слов именных частей речи, 185 – глаголы, служащие исходным материалом при семантизации объекта исследования (*картати* – 'досаждать бранью', *плес(ка)ти* – 'болтать; говорить невнятно, вздор'; *трынкати* – 'гундосить, плохо выговаривать звуки', *шушкати* – 'сплетничать', *ячати* – 'визжать, кричать' и др.). Необходимость в последних вызвана нередкой слабой семантико-стилистической квалификацией ряда лексем в указанных словарях, обусловленной зачастую недостатками лексикографических трудов, послуживших основой для наших источников. Так, в словаре Ф. Пискунова читаем: *зіптяйка* – *негодная женщина* (СП 1882: 91). Не берясь за полное восстановление значения слова¹, тем не менее включаем его в орбиту своего исследования как наименование крикуни (скандалистки?), поскольку *зіпати* – *сильно кричать* (СП 1882: 91).

Выбор в пользу производной лексики был сделан не только установками основного русского источника (ЧПИ 2007), но и общим характером данной группы лексики – практически все ее единицы являются дериватами звукоподражаний (*каркала, мыргоня, талалыка*) и глаголов говорения (*болтарь, лепетало*), звучания (*бухала, звяга*) или же результатом семантического словообразования (*циган* – 'враль,

обманщик'; *есаул* – 'острослов', *лицедейка* – 'насмешница, озорница'). В анализируемый материал в качестве самостоятельных единиц были включены как семантические (*воятник* – 'визгун, крикун; вздорщик'), так и формальные варианты слов (*брехайач, брехач, брехун, бреха, брехаль*), поскольку часто они извлечены из разных словарных источников и потому могут быть закреплены за разными ареалами.

Ното loquens в зеркале имен русской народной речи. Данная характеристика человека квалифицируется народной культурой как значимая, что доказывается ее количественным показателем – 14,7 % (1 800 из 12 240) от общего числа номинативных единиц словаря, называющих человека по таким важнейшим признакам, как место жительства, этническая принадлежность, профессиональные занятия, физические данные, родственные связи, семейное и материальное положение, интеллект и психика, характер, морально-нравственные оценки и др. (ЧПИ 2007: 6). Речевая способность осознается как приобретаемое с раннего возраста свойство (*немка, немочка, немуха, немчик, немчур, увака* – 'ребенок, который еще не начал говорить'; *лопотун, лопотунья* – 'недавно начавший говорить ребенок'; *лепетуха* – 'девочка, рано заговорившая'), а неразговорчивость – как «нелюдское» качество (*нелюда, нелюдья, отлюдник, несвойный* и др.). При этом к качеству речи, ее количеству, содержанию предъявляются серьезные требования.

Одно из самых значимых – это количественный показатель разговоров, по которому маркируются те, кто мало говорит (*безголосый, безответливый, запечник, молчажливый, небаян, недобай, немтырь, ненаречистый, несказ, тучный*), но существенно чаще – те, кто говорит много (*блекотун, брякалка, верзила, лоскотуха, мешалка, хлестун*). Осуждаемы обе роли, но вторая явнее, поскольку говорливость маркируется более чем в 3 раза чаще (207 против 61).

Хотя стилистические пометы в ЧПИ употребляются весьма непоследовательно², словарные дефиниции позволяют говорить о своеобразной шкале оценок по этому параметру. Так, как норма или близкая к нему характеристика выражается словами со значением 'речистый, говорливый, общительный, говорун': *басёнистый, бахорливый, говоркий, гурливый, майданник, мовлистый, наговористый, народный, повадный, погаторка, пословный, разговоркий, разговорщик* и проч. Чрезмерная же говорливость расценивается как болтливость (*байбала, балабызиха, забаян*), свидетельство лени (*алюсник, охлыня*), в определенной степени глупости (*алалочка, балдовина, верзила, долдон*), лживости (*басельник, забая*), клеветы, наговоров, склочничества (*здора*) и др. – данные созначения выявлялись на основе словарных толкований. Так, слово *простынища* 'не умеющий вовремя замолчать' может

быть воспринято как отклик на поговорку *простота хуже воровства*.

Оценка человека по содержанию речи составляет чуть менее 70 %, при этом в числе ведущих параметров является его соответствие истине. Так, у 98 слов основным значением оказывается 'тот, кто говорит неправду, лжет': *вертословый, врач, врѣш, врѣха, двоёслов, завир, илгала, лыган, обаюм, сбрѣх, хлопуша* и др. Говорящие правду маркируются единично – *невря*, хотя есть еще *гладкобай* 'ласковый, веселый человек, который говорит всегда правду' и *недолыга* 'не умеющий лгать'. Надо заметить, что номинация *homo loquens* в содержательном аспекте речи является по сути его оценкой по речевому действию: действительно, говорить нечто неважное, бессодержательное, пустое означает болтать, отпускать шутки – шутить и т. д. Данный аспект позволяет выявить болтунов (*байло, балачка, блекотун, буранко, лоскотуха, мешалка, словопрей, толкуша, шебарча*), ворчунов-брюзжателей (*брюзгун, бурчага, бурчалка, вяркуша, глodyрь, долдоня, калякун, каркала, мыргоня, пеняла*), жалобщиков-нытиков (*канькала, напроска, маньяк, наян, пенявий*), попрошаек (*клянчуха, кучко (кучиться – 'усиленно просить'), попрошай*), хвастунов (*звонкодрист, кобеня, прихвасть, хвальбун*), подстрекателей-смутьянов (*вздорник, змуста, каламутка, подстреха*), льстецов (*кривосвист, ласкобай, лебезѣк, обвива, припевало*), сквернословов (*ерник, кострюк, матюжница, матюкальник, охабник*), балагуров-насмешников (*выкомура, глум, гудочник, завивоха, мутосвет, оскалиха*) и другие роли человека говорящего.

Однако нельзя утверждать, что манера речи остается без внимания. При ее характеристике учитывается сила голоса, причем активно оцениваются прежде всего крикуны: *базанья, базло, гайкала, галдельщик, гамаюн, горлодрай, гудила, зыкун, матероголосый, мяландун* и многие другие. Тихий голос маркируется только как невнятная, непонятная речь: *барабуша, бурлима, вавака, вякала, ерготун / ерготунья, кулепет, мякала, немтыра, околесник*. Из других характеристик голоса можно указать на его визгливость (*визга, визгопрыхя, визгунышек*), охриплость (*каряйдун, осипа*), нежность (*воркоток* – 'ребенок с нежным голосом'), а также его отсутствие (*безголосица* – 'человек, потерявший голос по болезни').

Другой качественной характеристикой оказывается темп речи: медленно, вяло говорящие – это *гмыра, музюкалка, опакуша*, быстро – *барабошка, выщелчек, дроботень, лотоха, строчица, частобай*. Также в производных отмечены такие особенности произношения, как картавость (*алалыка, ерыкала, ерыхало, кривоязыня*), заикание (*заичка, недобай, недобайка, немтырь, пыкала*), гнусавость (*виньгун, виньгунья, гнусавка, гугня, гундяк, мусора, нюгайдун, нявжун, нявжа*), шепелявость (*лебезило*). Особо маркируются те, что имеют особенно-

сти в реализации тех или иных звуков (*акала, дзёкан, екуня*), морфем (*игольники, егун*), проявляют пристрастие в употреблении того или иного слова: *айвница, булочники, быатиха, жеки, кудыка, кудакалка, ничегокалка, нукала, околиха* – те, кто любят часто повторять *ай, бул – були* (вместо *был – были*), *быат* (вместо *бывает*), *же, куда, ничего, ну, около* – соответственно.

Данная лексика позволяет восстановить народный речевой этикет, сформированный социальными и орфоэпическими нормами, причем отрицательно оцениваются нарушители тех и других: *серяга* – матершинник; *обзывала, перелиз(а)* – передразнивает, *брызгало* – о человеке, который готов спорить, не выслушав; *перебейка, залаз(а)* – перебивает, *вякуша* – неправильно говорит, коверкая слова; *бубнила, бумка* – высказывается без интонационного рисунка, когда речь напоминает удары барабана в одной тональности: *бум-бум*; *выколула* – тот, кто говорит медленно, с паузами, с трудом подбирая слова; *отлюдник* – не участвует в беседе, молчун.

Художественным противопоставляются носители качественной речи – это прежде всего хорошие рассказчики: *бай – бая, баюня, гладкобайка, забавщик, исторник – исторница, лясарь, наречистый, насловистый, посказательница, разнослов*, всего около 70 номинативных единиц. О ценности данного умения свидетельствуют: *несловесный* ‘не умеющий хорошо объяснить’, *неразжёва* ‘не умеющий хорошо пересказать’, *барбуша* ‘разговорчивый, но плохо, бестолково излагающий мысли’. Отсутствие отрицательной оценки можно указать не более чем у 10 % имен: *бахорливый* ‘разговорчивый, приветливый’, *говорила* ‘говорящий по делу’, к тому же с рядом оговорок: поскольку разговорчивость граничит с болтовней, красноречие – с пустословием, шутка – с насмешкой, многие из этих слов выражают и пейоративные оценки. Так, *краснослов* – не только ‘хороший рассказчик’, но и ‘лстец; болтун’, *охлыня* – ‘умеющий бойко и занимательно рассказывать, сочинять’ и ‘бездельник’, что отражается в поговорке *то не слава, что бава*.

В указанные проценты включены также наименования людей, которые соблюдают речевой этикет: *легкословный, лабзун, несобачливый* – ‘вежливый, приветливый’, названия по речевым действиям, которые указываются как профессиональные: *повещало* – ‘рассыльный’; *голосан* – ‘дьякон’, *кличник* – ‘глашатай’, а также знахари, предсказатели, колдуны (*крикуха, нашепт, наговорник, отговорщик, пухтарка*), участники разного рода обрядов (*вытница, окликала, плакуша, говорильщик – ‘чтец псалтыри над покойником’*).

Выявленная на основе литературного языка асимметрия семантического поля говорения подтверждается и диалектным материалом (90 : 10), но это общеязыковая черта – отмечать отклонения от нормы,

что влечет за собой слабую маркированность ее в языке. Нарушения норм в коммуникации явны, очевидны, т. к. говорение априори предполагает адресность, что предопределяет прагматизм речевых действий. Подтвердилась асимметрия системы и в отношении гендерной характеристики лексики: по нашим данным, 764 слова характеризуют человека безотносительно пола (43 %: *базоня, горлозвонка, драло, зёва, покрикуша; горловитый, крикливый, ротастый, шумихливый*), 618 (менее 35 %) – мужчин (*балакирь, бахарун, губотрѐн, обайщик, пустобряшник*), 394 (более 22 %) – женщин (*зубарџиха, огурница, петушиха, приветница*). Например, среди наименований хвастунов – 12 слов мужского (*бодряк, звонкодрист, янька*) и 1 женского рода (*нахвалка*, которое имеет второе значение – ‘та, что любит хвалить’).

Таким образом, при оценке человека говорящего особо значимыми параметрами оказываются содержание и манера речи, в существенно меньшей степени принципиален его пол. Например, на 30 наименований общего рода «худоязыких» на буквы А–Д (*брякалка, бубнило, гаркуша*) приходится всего 6 слов мужского (*бормотун, далдон*) и 2 женского рода (*веньгунья, вякуша*).

Ното loquens в зеркале русинского языка. В русинском языке был выявлен ряд глаголов, передающих семантику ‘говорить / сказать’: *бесџовати, гварити, говорити, глаголати* (церк.), *говорькати* (дет.), *казати, повџдати, прогваряти, речи* и др. Некоторые из них также выражают содержание и / или манеру речи – *гвару, говур, гутур, выгваряня* (произношение). Так, *грџвачати, гулюкати, кавкати* – говорить громко, *гыркати* – злобно, *халдандригати, хамандрати, мондяти* – косноязычно, непонятно, *речновати* – красиво, много, *джангонџти* – надоедливо, *жевать* – нудно, *бырблати, лопонџти, фофлати, швельботати* – невнятно, *хавкати* – невнятно и громко, *гындати, мылькати, паплати* – вяло, мямля, *бубонџти, дроботати, торкотџти* – часто, много (тараторить), *блудити* – неуместно, *цукрити* – сладко, *цвенькати* – «худо выговаривая» (СП 1882: 280). В связи со сказанным представляют интерес существительные, отражающие общую характеристику речи: *кочџщина* – мужицкий язык (*кочџи* – кучер, извозчик), *гергџотаня* – ругань; немецкая или еврейская речь.

Ното loquens в зеркале русинского языка выглядит во многом подобно русскому. В частности, ведущей является характеристика человека по речевым действиям, т. е. по содержанию речи. При этом наиболее проработанными номинацией зонами являются болтовня (пустозвонство) и ложь, обман. Как ‘болтливый, болтун, болтуня, балабон, бесструнная балалайка’ в словарях толкуется 50 номинативных единиц: 39 существительных (*гулю-гулю, гагун, кџвуха, треперендя, троскотило*), 9 прилагательных (*болботливый, бырблавый, щebetли-*

вый), 2 фразеологизма (*зи млин ходит; рот му ся не заперат*). Здесь тоже можно говорить о градации в оценке данного свойства человека: *бесідливый, многорічивый, щебетун* ('говорливый') – *беленда, бляндаш, варкош(ка), моргуха, цокотуха* ('пустозвон, пустомеля') – *брехачиско (пренебр.), трепач(ка), таляфаткаръ* ('трепло, трепач' – *зневажл.*), хотя стилистическая маркировка слов носит тот же характер непоследовательности, что и в ЧПИ. Данная роль так же, как в русских говорах, сочетается с ролями глупца (*телепень, телепний*), сплетника (*плескаръ, плескаръка*), скандалиста (*языканя*), трещотки (*дроботун, торохтій, троскотливый*), ветреного человека (*ляскуха*). В родовом отношении наименования распределяются следующим образом: 16 : 21 : 13.

Лгуны (вруны, обманщики) в этом аспекте представлены как 1 : 18 : 8 – вновь с явным преобладанием слов мужского рода: *бреха – лгарь, брехун, пудбрехач, кламарь, окламник, хараман* (ГГ 1997: 200), *циган, кривдник, дуривіт, ошуканець – лгарка, кламарька, окламница, циганёшка, брехачка, брехунка, брехуха, кривдниця*. Исходя из толкований слов, крайние позиции по шкале вранья занимают *брешко* ('лгунишка') и *брехаль (зневажл.)*. Из других ипостасей homo loquens можно отметить ворчунов, сварливых: *дудравый, корливый, воятник, грімачка, балагуров-насмешников, зубоскалов: баясник, приказовач, буфон, фігляръ(ка), ругателей-хулителей (лайливый, лемзаючий, розгудець), оскорбителей, грубиянов (зуканка, напасник, невіглас, плюга), сквернословов (лач, паскудноротый, ругач), баламутов, возмутителей, подстрекателей, крамольников, «советчиков на худое»* (СП 1882: 92) (*баламута, балахрест, ворохобник, колотник, нагваряч, злорадия*), *льстецов-подхалимов, соглашателей (лизаймиска, лестун, айнаш, еднач), попрошаек (прошачка, прошок, лабзюк), ябедников (бідогляд, дошептовач), хвастунов (хвалько, хвалькош(ка))* и др.

Без отрицательной оценки, как норма маркируются роли утешителей, советчиков (*порадник, порадница*), краснословов (*златослов, мовний, словен*), рассказчиков (*байкаръ, оповідач, повідкаръ, приказовач, расповідач*), сказочников (*казкаръ, бай, байкаръ, байкаръка*), профессионалов (*гадерь, гадерька* – кто заговаривает от укусов змей, *шептуха* – ворожея, *казнодій(ка)* – проповедник, *шептач* – суфлер). При этом границы оценок весьма зыбки: так, *мовний* – 'краснослов' и 'болтун', *краснобай, хармаркач* – 'дьячок' и 'косноязычный'.

Количественный аспект говорения представлен наименованиями молчунов (*бессловный, дюговатий, (и)здержаный, мовчязний, мовчаливый, мовчкый, мовчязливець, мовчак, мовчуля, небесідливый, неговорливый, німый, скупословый, тихый*) и говорунов (*балакливий, балаклій, бесідливый, говурливый, джангливий, мовлячий, пискач(ка), приказливый, розговористый, шепкый* (еще – шумливый), «языкастых»

(*езикач (языкач), пискатий, хавкатий* – все ГГ). В манере речи чаще всего отмечается сила голоса. Так, крикуны, крикуньи называются *гагуля, гагун, гойканя, гойкаш, гортанкастый, гучный* (шумный), *воятница, зиптяйка, лармачка, пысканя, пыскатый, пыскач, ревачка, ротаня, роташ*, а также *хлоп на гортанку, широкої гортанкы*. Человек с визгливым, тонким голосом – *верескливый, півкало, ячавый*, с хриплым – *хрипач(ка)*. Как в русском, тихость голоса сочетается с неразборчивой, непонятной речью: *бырблавець, бырблавый, гында, мымлѣш(ка), папля, папльавый, швельбач, швельбавый*. Невнятность речи может быть также обусловлена ее высоким темпом: *торкотало, тронкавый, фрінкош(ка)*. К *недорікым* также относятся заики (*закавець, гакливый, гикливий, гикавий, дыда, загакливый, коктавый, кокташ(ка)*), картавые (*гынглявый, дрымбавый*)³, говорящие в нос (*гугнавый, фофлавый, фофляк*), шепелявые (*шепета, шепетливый*). В аспекте манеры речи характеризуются также *забігачкий* – ‘тот, кто говорит загадками, непонятно’ (ГГ 1997: 72), *бомбастый, нафуканик* – ‘велеречивый, напыщенный, фразер’, а также *щобак* – ‘русин, выговаривающий *що* вместо *што*’.

Сплетни и сплетники в свете двух культур. Отдельного разговора заслуживают наименования сплетников, совмещающих в себе несколько речевых ролей и допускающих их характеристику в гендерном аспекте. Так, Д. Таннен пишет: «Принято думать, что женщины говорят слишком свободно и слишком много в неофициальной обстановке. Все это называют одним словом – *сплетни*. Хотя сплетни могут причинить вред, так бывает не всегда; иногда они играют решающую роль в установлении близости – особенно если это не «разговоры против», а просто «разговоры о» (Таннен 2005: 309). Возможно ли такое отношение к сплетням в народной культуре?

Литературному *сплетничать* соответствует ряд областных слов: *балахвостить, ерестить, зубомоить, колотырить, мутить, обавивать, пересудничать* и др., которые относятся к группе глаголов речевых действий, передающих содержание высказываний. Для наименования субъектов этих действий в (ЧПИ 2007) выявлено 131 слово: 127 существительных (*заливоха, напевала; обсудник, ошуканщик; балахрыстка, колотушка*) и 4 прилагательных (*басневитый, обессудчивый, переводливый, пересудливый*). Для сравнения: в словаре З.Е. Александровой это лишь *злаязычник* (уст.) и фразеологизм *злые языки*, единственный синоним у *сплетницы* – *кумушка* (разг.) (ССРЯ 1975: 514).

Анализ показал, что это речевое действие не выглядит исключительно женским занятием: 20 имен – общего рода (*балдовина, клепало, мокроводка, перемыва*), 52 – мужского (*балентрясник, брехун, зубочѣс, колотырник, обаим, ошуканщик*) и 55 – женского (*балахрыстка, мо-*

лотильня, свистодырка, ушница), но это действительно единственная подгруппа в нашем материале, где женщины не уступают активности в речевом поведении мужчинам. При этом очевидно, что в рамках народной культуры сплетни не воспринимаются безобидной болтовней, поскольку в подобной речевой практике соединяется ряд социальных ролей говорящих, на что указывает значение производящих или же кодериватов. В числе этих ролей: информатор (*басёнка, вестовщица, объявщик, переводливый*); доносчик (*визгало, лазутница, набайщик, переветник*); болтун (*балянтрясник, басневитый, звонило, зубомой, зубочёс, колотовка, обсудник, переыва*); лгун (*брехало, бреховка, брехун, залыгало, перелыга*; *дурноплётка, косоплётка, плетунья*); клеветник (*ерестун, ищеульник, ищеульница, набайщик, капасник, клеветун, клепала, напрасник, охайщица, понапрасленник, понапрасница*); бездельник, лентяй (*плёшник, межедворка, обойдуха, распустёха*); подстрекатель (*замута, мутница, мутехвостка, мутосвет, напевщик, наговорник, перелестник, подсевало, разводница, развратник, развратница, разжога*); скандалист (*ерестунья, ерыкала, цапушка, обливовщик*); посредник (*сшивала, концевод, концесвод, концесводник, переговориц, переказник, миродворка*); льстец, подхалим (*лизун, ушник, ушница, побирушница*).

Во всем этом перечне лишь функции миротворца, советчика (ср. *надоумистый, ответчивый, радька*), возможно, информатора могли бы быть восприняты положительно, но совмещение их с заведомо осуждаемыми ролями обрекает сплетников на резко негативную оценку: *он на все горшки уполовник* (сплетник); *кто переносит вести, тому бы на день плетей по двести; клевета что уголь: не обожжет, так замарает*.

Как легко заметить, лексика яркая, выразительная, с экспрессивными суффиксами (*едуга, колотыга, балдовина, заливоха, маниха*) и основами, нередко двукорневыми (*балахрыстка, барахвост, бесомыка, дурноплетка, косопрядка, мокроводка, свистодырка*). В этом перечне обращает на себя внимание большая группа слов с корнем *хвост-*: *балыхвост, балухвостник, барахвостиха, бухвостень, манихвостка, мокрохвост, мутехвостка, нахвостник, охвост* и др. – такое регулярное указание на наличие подобного «органа» у сплетников может свидетельствовать о их связи с нечистью в народном представлении. О низкой социальной оценке последних говорит и паремийный фонд языка: *слушальщику да подокончику гроб, да могила, да третье кадило; бойся клеветника, как злого еретика; ябедника на том свете за язык вешают*.

По нашим данным, в синонимический ряд «сплетничать» в русинском входит ряд глаголов и выражений, в которых реализуется несколько образов данного действия: плетение слухов, их соединение, сочини-

тельство (*плет(ь)ковати, ціны язати, клепати*), шушуканье, разговоры исподтишка (*пошеповати, шушукати, дошеповати*), производство звуков, их распространение (*колотити, клепати, плескати*), а также нарушение заведенного порядка, покоя, чистоты (*баламутити, плескати*).

Собственно наименований сплетников выявлено немного, что свидетельствует скорее о неполноте русинских словарных материалов, чем об отсутствии этого явления в культуре русин. Данное свойство также приписывается представителям обоих полов (*клепач / клепачка, плескарь / плескарька, плет(ь)карь / плет(ь)карька, плетькаш / плетькашка, плетюга* – общего рода), но женщинам чаще: *льопа* (ГГ 1997: 116), *лябда* (РРС 2012 2: 413) толкуются как ‘сплетница’. Так же, как в русском, *сплетни* в русинском суть не просто безобидные разговоры. Например, об этом говорит семантика однокорневых слов: *льопотун, льопотуха* – ‘балакучий (-ая), базіста’ (разговорчивый, *болтун(-ья)*), *льоппнути* – ‘сказать неуместно’, *льопати*, мн. – брань («лайливі слова») (ГГ 1997: 116). Экспрессивное *лябда* восходит к ряду звукоподражательных по своей природе глаголов, значения которых, соединяясь в существительном, иллюстрируют практически все указанные выше образы распространения слухов: *лябдати* – ‘болтать’, *лябдатель* – ‘звонить во все колокола’, *лябдавать* – ‘бормотать’, *лябзати* – ‘разглашать тайное, плести’ (ЕСУМ 1989: 333).

Таким образом, и в этой группе в русском и русинском наблюдается сходная картина.

Выводы. Проведенный анализ показал многочисленность состава именной лексики в территориально ограниченных формах языков, что свидетельствует о значимости указанного параметра в оценке человека с позиций обеих народных культур. Сопоставление выявило ряд общих и особенных черт в характеристике *homo loquens* в свете двух славянских языков. К числу первых относятся: 1) общие нормы народного речевого этикета социального (говорить по делу, не лгать, не сплетничать и т. п.: *вертословый, канькала, прихвасть / баламута, беленда, нагваряч*) и орфоэпического рода (говорить внятно, в среднем темпе и др.: *гайкала, каряйдун, нявжа / фюфляк, хрипач*); 2) общий главный мотив наименования – содержание, а не качество говорения (по сути, номинация по речевому действию: молчать, болтать, ныть, попрошайничать, ворчать); 3) звукоподражательная природа значительного количества производных (*бальяба, дрезгуша, мыргоня / бырблавець, гойкаш, мымрак*) и др.

Особенности составляет разная степень представленности отдельных признаков наименования в ряде тематических подгрупп («Лгуны», «Сплетники», «Говорящие в нос»), отличия в деривационном

«инвентаре» именного словопроизводства, мотивах наименования. Так, в русском языке, помимо звукоподражательных глаголов, в производстве слов довольно активно используется соматическая лексика: *зеворотый, ротан, большерот; косноязыня, долгоязыкий, кривоязычник; губотрел, брылотряс; горлаш, горланюга, горлодрай, горлопуня, жереластый; ушница*, но более всего – с корнями *хвост-* (*двуххвостка, нахвостка, мокрохвостка, охвостина, хвостобой*) и *зуб-* (*долгозубый, зубаирко, зубочёс, зубомойка, зубан, зубарь, зуботыка, скалозубый*). В русинском набор мотивирующих основ уже: *ротаня, роташ, паскудноротый; языканя, езикач (языкач), язикатий*, а также *гортанкастый* и *шумиголова*.

Как отмечалось выше, в русском языке почти половина лексических средств (43 %) характеризует homo loquens безотносительно пола, около 35 % – мужчин, чуть больше 22 % – женщин. В русинском языке расклад, на первый взгляд, близкий: 35,6 : 38,7 : 25,7 % соответственно. При этом первое число представлено прежде всего прилагательными (102), в существенно меньшей степени – существительными, в русском же языке ситуация обратная. В русинском более 85 % существительных женского рода являются дериватами с модификационным типом словообразовательного значения (так называемыми феминативами по отношению к своим производящим – словам мужского рода): (*гойкаш / гойканя, дудрош / дудрошка, лармач / лармачка, мымлеш / мымлешка, німак / німаня*). Подобного параллелизма в такой степени в русском языке не наблюдается (*враль – вралья, мяландун – мяландунья*, но: *гладкобай – ‘ласковый, веселый человек, который всегда говорит правду’, гладкобайка – ‘красноречивая женщина’; брандахлыст – ‘болтун, сплетник’, брандахлыстка – ‘женщина легкого поведения’, частобаю* соответствует *чивилькуша, словопрею – тарадайка, костоглоду – костоедка*).

Резюмируя, следует признать, что общего в характеристике homo loquens в говорах русского и русинского языков больше, чем различного, в том числе асимметрия данных лексических подсистем: явное преобладание пейоративных единиц, меньшая доля слов женского рода по сравнению со словами мужского рода. При этом недостаточность феминативов во многом компенсируется значительной долей слов общего рода. Единственная группа, где можно говорить о некотором преобладании числа наименований для женщин, – это сплетники.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Надо заметить, что данная группа лексики практически не поддается однозначной параметризации, о чем свидетельствуют ее толкования в

использованных в статье словарях: *баламута* – баламут; смутьян; зануда, приставала; крамольник (РСР 2007 1: 62); *вавак* – чоловік з дефектом мови (ГГ 1997: 32); *ляскуха* – болтуня-ветреница (СП 1882: 130) и др. Ср. также: *белькотати* – бормотать, заикаться, шуметь, ругать, говорить непонятно (на иностранном языке) (СП 1882: 12).

2. Например, без помет даны *байша* (говорун, болтун), *бакульник*, *балабызиха* (болтун, краснобай), *байбала*, *балабан*, *балабол*, *балабола* (болтун, пустомеля), при этом *балаболка* (пустая женщина, болтуня) имеет помету *груб.*, а балабон, балабошка (то же, что балаболка) – *неодобр.* (ЧПИ 2007: 21).

3. Известное русинскому слово *картавый* является характеристикой внешности человека (Толстик 2016).

ЛИТЕРАТУРА

Антонова 2003 - Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. Гродно: ГГУ, 2003. 519 с.

Арутюнова 2000 - Язык о языке: Сб. статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.

Бахтина 1965 - Бахтина В.П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском литературном языке II половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1965. 24 с.

Бессонова 2010 - Бессонова Ю.А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах: структурный, коммуникативный, культурологический аспекты. Орёл: Изд-во ОРАГС, 2010. 155 с.

Бондарь 1969 - Бондарь И.П. Глаголы речи в старославянском, русском и болгарском языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 1969. 30 с.

БС 1966 - Онышкевич М.О. Словарь бойковского диалекта // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 61–105.

Гирняк 1999 - Гирняк С.П. Структурно-семантична організація словотворчих гнізд з базовими дієсловами мовлення в українській мові XIX–XX ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 1999. 23 с.

ГГ 1997 - Гуцульські гвірки. Короткий словник / Від. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

Егорова 2003 - Егорова Ю.В. Возможности характеристики человека говорящего с помощью русских неглагольных слов: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2003. 24 с.

ЕСУМ 1989 - Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 1989. Т. 3. 549 с.

Коршунова 2002 - Коршунова Л.А. Лексико-семантические группы глаголов говорения, мыслительной деятельности, чувства в говорах Нижегородской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2002. 19 с.

- Крылова 1996 - *Крылова И.А.* Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 21 с.
- Ничман 1980 - *Ничман З.В.* Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1980. 22 с.
- Резанова и др. 2014 - *Резанова З.И., Галимова Д.Н., Калиткина Г.В. и др.* Картины русского мира: Метафорические образы традиционной культуры. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 105–108.
- Резанова, Дай Инли 2011 - *Резанова З.И., Дай Инли.* Метафорическое моделирование формальных и содержательных аспектов речи в русском и китайском языках // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 89–102.
- РСР 2007 1 - *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.
- РСР 2007 2 - *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.
- РСР 2012 1 - *Керча И.* Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 1. 580 с.
- РСР 2012 2 - *Керча И.* Русско-русинский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 596 с.
- СП 1882 - *Піскунов Ф.* Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка. 2-е изд., доп. Киев: Тип. Е.А. Федорова, 1882. 304 с.
- ССРЯ 1975 - *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. 4-е изд., репрод. М.: Рус. яз., 1975. 600 с.
- Степанова 1970 - *Степанова Г.В.* Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 19 с.
- Таннен 2005 - *Таннен Д.* Ты просто меня не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 289–309.
- Таргонская 1993 - *Таргонская Е.П.* Глаголы речи в памятниках письменности XI–XIV веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 16 с.
- Тишечкина 1990 - *Тишечкина Е.Н.* Лексико-семантические соответствия глаголов речи в русском, белорусском и польском языках // Беларуска-руска-польское супастаўляльнае мовазнаўства. Витебск, 1990. С. 95–97.
- Толстик 2016 - *Толстик С.А.* Прилагательное *картавы* в русинском языке как характеристика внешности человека // Русин. 2016. № 3 (45). С. 162–173.
- ЧПИ 2007 - *Алексенко М.А., Литвинникова О.И.* Человек в производных именах русской народной речи. М.: ЭЛПИС, 2007. 517 с.
- Ярд 1994 - Логический анализ языка. Вып. 7: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. 188 с.

REFERENCES

Antonova, S.M. (2003) *Glagoly govoreniya – dinamicheskaya model' yazykovoy kartiny mira: opyt kognitivnoy interpretatsii* [Verbs of speaking – a dynamic model of the world linguistic picture: the cognitive interpretation experience]. Grodno: Grodno State University.

Arutyunova, N.D. (2000) *Yazyk o yazyke* [Language about Language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Bakhtina, V.P. (1965) *Leksiko-grammaticheskaya sochetaemost' glagolov rechi v russkom literaturnom yazyke II poloviny XIX veka* [Lexical and grammatical combinability of speech verbs in the Russian literary language of the second half of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

Bessonova, Yu.A. (2010) *Semantika dialektnykh glagolov rechi v orlovskikh govorakh: strukturnyy, kommunikativnyy, kul'turologicheskiy aspekty* [Semantics of dialectal speech verbs in Oryol dialects: Structural, communicative and cultural aspects]. Orel: ORAGS.

Bondar, I.P. (1969) *Glagoly rechi v staroslavlyanskom, russkom i bolgarskom yazykakh* [The speech verbs in old Church Slavonic, Russian and Bulgarian languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

Onyshkevich, M.O. (1966) *Slovar' boykovskogo dialekta* [The Dictionary of Dialect of Boykos]. In: Kalnyn, L.E. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya i leksikologiya* [Slavic Lexicography and Lexicology]. Moscow: Znanie. pp. 61–105.

Girnyak, S.P. (1999) *Strukturno-semanticheskaya organizatsiya slovtvorchikh gnizd z bazovimi dieslovami movlennya v ukraïns'kiiy movi XIX–XX st.* [The structural-semantic organization of word-formation nests with the base verbs of speaking in the Ukrainian language of the 19th–20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Donetsk.

Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul'ski govirki. Korotkiy slovnik* [Huzul Regional Dialects. A Concise Dictionary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.

Egorova, Yu.V. (2003) *Vozmozhnosti kharakteristiki cheloveka govoryashchego s pomoshch'yu russkikh neglagol'nykh slov* [Possible characteristics of a person speaking with Russian non-verbal words]. Abstract of Culturology Cand. Diss.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1989) *Etimologichniy slovnik ukraïnskoï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Korshunova, L.A. (2002) *Leksiko-semanticheskie gruppy glagolov govoreniya, myslitel'noy deyatel'nosti, chuvstva v govorakh Nizhegorodskoy oblasti* [Lexical-semantic group of verbs of speaking, thinking activities, and feelings in Nizhny Novgorod regional dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Arzamas.

Krylova, I.A. (1996) *Semantiko-stilisticheskaya kharakteristika LSG glagolov rechi* [The semantic and stylistic characteristics of lexical-semantic groups of speech verbs]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Nichman, Z.V. (1980) *Glagoly govorenija (ustnoy rechi) v sovremennom russkom yazyke* [Verbs of speaking (oral speech) in the modern Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk

Rezanova, Z.I., Galimova, D.N., Kalitkina, G.V. et al. (2014) *Kartiny russko-go mira: Metaforicheskie obrazy traditsionnoy kul'tury* [Pictures of the Russian world: Metaphorical Images of Traditional Culture]. Moscow: LENAND.

Rezanova, Z.I. & Day Inli (2011) *Metaforicheskoe modelirovanie formal'nykh i sodержatel'nykh aspektov rechi v russkom i kitayskom yazykakh* [Metaphorical modeling of formal and content speech aspects in the Russian and Chinese languages]. *Yazyk i kul'tura*. 2 (14). pp. 89–102.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusin – Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [The Rusin – Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2012a) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PolyPrint.

Piskunov, F. (1882) *Malorossiysko-chervonorusskiy slovar' zhivogo i aktovogo yazyka* [Little-Russian – Red Rusin Dictionary of the Living Language]. 2nd ed. Kyiv: E.A. Fedorov.

Aleksandrova, Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The Dictionary of Russian synonyms]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Stepanova, G.V. (1970) *Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov rechi v sovremennom russkom yazyke* [Lexico-semantic group of speech verbs in the modern Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Tannen, D. (2005) Ty prosto menya ne ponimaesh: Zhenshchiny i muzhchiny v dialoge [You just don't understand me. Women and men in dialogue]. In: Kirillina, A.V. (ed.) *Gender i yazyk* [Gender and Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 289–309.

Targonskaya, E.P. (1993) *Glagoly rechi v pamyatnikakh pis'mennosti XI – XIV vekov* [The speech verbs in the written monuments of the 11th – 14th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Tishechkina, E.H. (1990) [Corresponding lexical and semantic speech verbs in the Russian, Belarusian and Polish languages]. *Belarуска-rуска-pol'skoe supastaul'noe movaznaustva* [Belarusian-Russian-Polish Comparative Linguistics]. Proc. of the Conference. Vitebsk. pp. 95–97.

Tolstik, S.A. (2016) The adjective *kartavyy* in the Rusin language as a characteristic of human appearance. *Rusin*. 3 (45). pp. 162–173. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/12

Alekseenko, M.A. & Litvinnikova, O.I. (2007) *Chelovek v proizvodnykh imenakh russkoy narodnoy rechi* [Man in the derived names of Russian dialect speech]. Moscow: ELPIS.

Arutyunova, N.D. (ed.) (1994) *Logicheskiy analiz yazyka* [Logical analysis of language] Vol.7. Moscow: Nauka.

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Starikova Galina - Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru